

ЛАРИСА
СОБОЛЕВА

ЛАРИСА
СОБОЛЕВА
КОЛЬЕ БЕЗ ПРАВА ПЕРЕДАЧИ

Издательство АСТ
Москва

1

Ювелир упал в обморок. Ксения Николаевна, сухая старушка, одетая в приличествующую современной горожанке среднего класса одежду, удивленно приподняла тонкую бровь, линия которой была подчеркнута черным карандашом. Она не поняла, что случилось. Пожилой ювелир, милый и полненький, встретивший ее так вежливо, рассматривал старое кольцо, хранившееся в потертом — времен нашествия Наполеона — ридикюле вместе с любимыми фотографиями и документами. И вдруг этот славный человек — бух со стула! И ни слова. Приподнявшись на цыпочки, Ксения Николаевна просунула, сбив набок шляпку, голову в окошко на стеклянном щите, отделявшем ювелира от клиентов, и заглянула вниз. Кроме тучного зада ювелира, ничего не рассмотрела.

В мастерской никого не было. Ксения Николаевна прошла к дверце стойки, тронула ее, но та была заперта. Тогда она громко позвала:

— Ау! Кто-нибудь! Человеку плохо!

На зов старушки вышел высокий, спортивного вида молодой человек лет двадцати семи. Она призывно замахала руками, затем указательным пальцем показала вниз, взволнованно сообщив:

— Посмотрите, мастер упал.

Едва увидев распростертое на полу тело, молодой человек побелел и кинулся к ювелиру, а Ксения Николаевна принялась сбивчиво объяснять:

— Он рассматривал мое кольцо и упал... Наверное, гипертонический криз. Надо вызвать неотложку. Да откройте дверцу, в конце концов! Я могу помочь — я работала когда-то медицинской сестрой.

Молодой человек торопливо открыл дверцу, и Ксения Николаевна прошла за прилавок. Работник мастерской вызвал охранника, затем кинулся к телефону — звонить в «Скорую».

Ксения Николаевна определила по пульсу на шее, что ювелир жив. В левом кулаке он сжимал ее кольцо. Она попробовала разжать пальцы, но они как приросли к украшению. Подоспел охранник, Ксения Николаевна сказала, что ювелира нужно положить так, чтобы голова его была приподнята. Растерянный охранник уложил тело ювелира к себе на колени, а молодой человек уже спешил к ним с мокрым полотенцем. Обмотав голову ювелира, он поднял глаза на Ксению Николаевну:

— Я правильно делаю?

— Да, — ответила она. — Кажется, и на грудь следует положить что-нибудь мокрое...

— Быстро сбегай в подсобку, принеси... — попросил он охранника, который аккуратно переложил голову ювелира на колени молодого человека и тут же умчался. — Папа! Ты меня слышишь? Потерпи. Сейчас придет «Скорая»...

— Молодой человек, — обратилась к нему Ксения Николаевна, — а как же мое кольцо?

— Ах да... извините... — Он с трудом разжал побелевшие пальцы ювелира и, не глядя на клиентку, протянул ей украшение, взглянув на него мимоходом. — Возьмите... Как-нибудь в следующий раз...

Он осекся, так как ювелир глубоко вздохнул, приходя в себя. Ксения Николаевна взяла кольцо, постояла еще некоторое время, подумала: зачем она соврала, что работала медицинской сестрой? И видя, что в ее помощи не нуждаются, вышла из мастерской.

На скамье в сквере, напротив мастерской, ее ждала внучка Софийка. Завидев бабушку, девоч-

ка поднялась, но Ксения Николаевна махнула рукой — мол, сиди уж. Перейдя проезжую дорогу, она присела рядом с озабоченным видом.

— Ну что? — нетерпеливо спросила Софийка.

— В городе еще есть ювелирные мастерские? — в свою очередь спросила бабушка.

— Полно. Но у меня только три адреса. Это крутые мастерские.

— Крутые! — фыркнула Ксения Николаевна и небрежно бросила кольцо в ридикюль. — В первой вообще от ворот поворот дали: «Мы занимаемся только золотом и серебром». Тоже мне, ювелиры... Значит, остался еще один адрес?

— И здесь не определили стоимость? — расстроилась внучка.

— Ювелир не успел оценить: с ним случился обморок. Я всегда говорила, что полные люди склонны к апоплексическому удару. Кстати, официальная медицина согласна с моей точкой зрения.

— Ксюша, — пропела Софийка, прижимаясь к ней, — это твое мнение совпадает с официальной медициной.

— Какая разница? — отмахнулась Ксения Николаевна. — Уф, вот невезение!

— Может, оно ничего не стоит? — предположила внучка.

— Не думаю... Пойди купи мне сигарет, дорогая.

— Тебе каких? — встала Софийка, взяв деньги у Ксении Николаевны.

— Как будто не знаешь! Для учеников третьего класса средней школы, — буркнула бабушка, сосредоточившись на своих мыслях.

София убежала, размахивая сумочкой, а Ксения Николаевна глубоко задумалась, пристально глядя на вход в ювелирную мастерскую, к дверям которой подкатила «Скорая». Затем перевела взгляд на ювелирный магазин рядом. Довольно легко для своих лет поднявшись с лавочки, Ксения Николаевна решительно направилась туда.

В магазине было пусто. Впрочем, здесь ведь не колбасой торгуют, простым гражданам в этом выставочном зале делать нечего. Ксения Николаевна медленно шла, вытянув губы трубочкой, вдоль стеклянного прилавка, изучая лежащие в витрине кольца и серьги. За ней наблюдала продавщица с короткой стрижкой типа «тифозная эпидемия», с намазанными черной помадой губами и темно-синими тенями на веках.

— Что вы хотите? — тягуче, будто сонная, промямлила вампирскими губами продавщица, когда старушка поравнялась с ней.

— Скажите, милая... — И Ксения Николаевна положила локотки на стеклянный прилавок. — Где у вас бриллианты?

Последовали несколько секунд паузы. Тоскливый взгляд продавщицы, красноречиво говоривший посетительнице: тебе, мол, пора в бюро ритуальных услуг интересоваться катафалками, а не бриллиантами, — несколько не смутил Ксению Николаевну. Она терпеливо ждала ответа на свой вопрос. Тогда продавщица убийственно выговорила, почти не раскрывая рта:

— Уберите локти с прилавка! — Ксения Николаевна послушно убрала руки и выжидающе смотрела на «тифозную» девушку. Та лениво кивнула в сторону, едва выдохнув: — Бриллианты там.

Ксения Николаевна долго рассматривала ювелирные изделия, которые, как ей показалось, ничего общего с ее колье не имели. Вздохнув с прискорбием, покинула ювелирный магазин, чувствуя на себе презрительный взгляд продавщицы.

— Куда ты пропала? — вопросом встретила ее внучка, вновь сидевшая на той же скамье. — Я волновалась.

— Давай сигареты, — требовательным тоном сказала Ксения Николаевна, усаживаясь рядом с Софийкой. Закурила. — Я анализировала ювелирный магазин.

— Ты случайно не собираешься грабить ювелирный? — с опаской спросила София.

— О нет! Если грабить, то только банк. А их фуфло, — кивнула она в сторону магазина, — попробуй продай. Послушай, что за дерьмо ты купила? В моем возрасте столько никотина не употребляют.

— В твоём возрасте вообще не курят, — парировала Софийка. — Это даже неприлично — курить старушке.

— Не учи жить, — флегматично осадила внучку Ксения Николаевна. — Сколько там натикало?

— Без пяти одиннадцать.

— До прихода на обед наших волкодавов мы успеем посетить еще одну ювелирную мастерскую. Лови такси, прокатимся.

— Ты транжира, — полушутя упрекнула ее София и пошла к дороге.

Казимир Лаврентьевич очнулся, водил ничего не понимающими глазами вокруг. Он лежал на стареньком диване в комнате сторожей, два человека в белых халатах что-то собирали со стола. Сквозь туман увидел знакомое лицо, узнал сына, застонал:

— Генрих... Генрих...

— Папа, лежи спокойно, тебе нельзя волноваться, — склонился над ним сын.

Казимир Лаврентьевич, прикрыв отяжелевшие веки, восстанавливал в памяти утро. Он отчетливо помнил начало сегодняшнего дня: позавтракал с сыном, потом они приехали в мастерскую. Но сначала проследил, как в соседнем магазине готовятся к открытию, выкладывают на витрины украшения. Так начиналось каждое утро Казимира Лаврентьевича. А что было после? Мастерская... Он открыл и закрыл сейф, взял на шлифовку кольцо. Он давно мог не корпеть над поделками из золота, но это так увлекательно, когда из-под твоих рук из куска желтого и бесформенного металла выходит изысканная вещь, очаровывающая душу, радующая глаз. Казимир Лаврентьевич мастер своего дела, поэтому

у него всегда есть заказы. Часто клиенты приносят камни, чтобы... Вспомнил!

В волнении старый ювелир приподнялся на локтях, лицо его перекосила страдальческая гримаса:

— Генрих! Где она? Где...

— Папа, успокойся, тебя сейчас отвезут в больницу...

Услыхав про больницу, Казимир Лаврентьевич догадался, что люди в белых халатах не кто иные, как врачи. Зачем они здесь появились — не знал, но отправляться с ними никуда не собирался. Он резко сел, хотел вскочить на ноги, однако сердцебиение не позволило.

— Будьте благоразумны, — сказала ему женщина-врач. — У вас высокое давление...

— Плевать на давление! — проговорил Казимир Лаврентьевич, тяжело дыша. — Я никуда не поеду. Где она, Генрих? Где она?!

— Да кто, папа, кто?

— Старуха! — нетерпеливо выкрикнул тот. — Маленькая худая антикварная старуха! В антикварной шляпке! С антикварным ридикулем! Она была у меня в мастерской... Постой, а что случилось?

— Пожалуйста, не волнуйтесь, — снова вмешалась врач. — В вашем состоянии это опасно.

— Ты, папа, потерял сознание, — начал объяснять сын, пытаясь уложить отца. — Старуха позвала меня, я вызвал «Скорую». Сейчас принесут носилки...

— А она? Куда она делась? — закричал ювелир, побагровев.

— Ушла.

Казимир Лаврентьевич упал на диван — ему снова стало плохо.

Мужчина с миндалевидными глазами, к одному из которых он приставил монокль, перебирал пальцами кольцо. Ксения Николаевна с напряжением следила за его длинным лицом, а оно находилось в полном покое,

лишь раздувались ноздри большого крючковатого носа. Но вот ювелир положил кольцо на стол,

долго смотрел на него, еще раз вставил монокль, изучал подвески с крупными камешками. Взглянув на старушку, сначала развел ладони в стороны, а потом дополнил жест словами:

— Мне кажется, это высококачественная подделка.

— Вам кажется или вы убеждены? — уточнила Ксения Николаевна.

— Простите, как вас зовут?

— Ксения Николаевна.

— Понимаете, Ксения Николаевна, я боюсь ошибиться. Нужна тщательная проверка, а для этого мы вынимаем камни...

— Э, нет. — И она протянула руку в окошко за кольцо. — Я не позволю вынимать камни. А примерную стоимость вы можете назвать?

— Послушайте. — Ювелир взял тон, каким разговаривают с недоумками, а кольцо отодвинул, дабы костлявые пальцы старушенции до него не достали. — Чтобы оценить ваше кольцо, нужно сначала убедиться в подлинности камней. Если это подделка, то стоимость будет одна. Если камни настоящие, то... стоимость определить будет еще сложнее. В природе существуют похожие камни, при искусной огранке они могут выглядеть как драгоценные, что способно ввести в заблуждение даже опытных ювелиров. Диагностика — сложный процесс.

— А вот эти бесцветные камешки разве не бриллианты?

— Не берусь сказать с ходу.

— Вы же ювелир! Кому как не вам определять подлинность камней?! — разволновалась Ксения Николаевна: ее задел тон мужчины.

— Это заблуждение, — усмехнулся тот снисходительно, что дополнительно оскорбило владелицу кольца. — Ограненные бриллиантовой гранью хрусталь и кварц почти невозможно отличить от настоящего алмаза. Кроме того, сейчас искусственно выращивают кристаллы очень высокого качества...

— Ну, уж вы хватили! — раздраженно сказала старушка-посетительница, сама чувствуя, что ведет себя, как девочка. — Этому колье лет сто пятьдесят, не меньше. В те времена искусственно не выращивали камни, насколько мне известно.

— А как попало к вам колье, Ксения Николаевна?

Двадцать лет назад

Кто бы мог подумать, что обычную простуду не удастся вылечить? А может, так было надо, всего-то подошел срок, как подходит ко всем людям в определенный час, независимо от возраста?

Ксения Николаевна задремала за столом, положив на руки голову, сквозь дрему услышала:

— Ксения! Ксюша...

Она присела на край кровати и взяла мать за кисть руки:

— Что ты хочешь, ма?

— Я умираю, Ксюша...

Матери исполнилось восемьдесят три года. Но она была крепкой — даже в таком возрасте отличалась хорошим здоровьем и светлым разумом. Ксения Николаевна, тогда пятидесятилетняя женщина, которой никто не давал больше тридцати семи, склонилась над матерью:

— Не говори так, ты сильная... поправишься...

— Ксюша, у меня мало времени, помолчи, — хрипло сказала мать. Она все время хрипела, что тревожило Ксению Николаевну. — Я стара, мне умирать не страшно. Дом оставляю тебе. Но не вздумай пустить сюда своего зятя, останешься на улице...

Дочь Ксении Николаевны давно была замужем, а никак не могла родить, что сердило зятя. Своего жилья у Ариадны не было, они жили в общежитии, но мать Ксении Николаевны наотрез отказывалась поселить внучку и ее мужа в доме.

Лежащая женщина приподнялась, вынула из-под подушки старый ридикюль, открыла его:

12 — Возьми вот... Это очень дорогая вещь.

На ладонь Ксении Николаевны легло ожерелье, сверкавшее даже при тусклом свете. Она с удивлением рассматривала украшение, а мать говорила:

— Не показывай его никому. Но если будет туго... не жалея, продавай, хотя... от него трудно избавиться. Это кольцо унесло много глупых жизней, оно выбирает тех, кому хочет принадлежать. Когда-то выбрало меня... Теперь оно твое. Еще здесь, — прижала она ридикюль к груди, — есть вещица... ты поймешь... после, когда я уйду. Прости меня, я была плохой матерью. Но ты была прекрасной дочерью. А теперь позови священника.

— Где ж я возьму его, мама? — сквозь слезы проговорила Ксения Николаевна.

— В церкви. Иди. Там всегда кто-нибудь есть... подскажут, где живет священник... Поторопись, я не хочу умереть без покаяния и отпущения грехов...

Ксения Николаевна боялась оставить мать одну, но воля умирающей — закон. Ночь только-только начала переход к рассвету, еще не погасли звезды. На улице было тихо и безлюдно, а она бежала к церкви — это далеко — со всех ног. Когда уставала, переходила на шаг, чтоб отдышаться. Весна выдалась холодная, но Ксении Николаевне было жарко, она расстегнула пальто, сняла шарфик и бежала, плохо видя перед собой дорогу — мешали слезы. Она горько плакала, ведь уходила ее мать, навсегда уходила...

— Хм, — поджала губы Ксения Николаевна, глядя на ювелира с высокомерным негодованием. — Надеюсь, вы не думаете, что я его украли? Нет? И на том спасибо. Колье мне передала моя мама перед смертью. Это ее вещь. В советское время она не показывала украшение никому, потому что его могли... э... экспроприровать. Ну, отнять. Я хотела бы знать, сколько сейчас стоит эта вещь.

Ювелир снова задумался. Едва касаясь кончиками пальцев камешков кольца, лежащего на полированном столе, отдергивал их, будто от неболь-

шого тока, пальцами второй руки потирал тяжелый подбородок и рассеянно смотрел на ювелирное изделие. Ксения Николаевна отметила, что пальцы у него аристократичные — тонкие и очень длинные, с заостренными кончиками. Удивилась: пальцы аристократа, а лицо грузчика... И манеры люмпена...

— Здесь не хватает трех камней, — наконец сказал он. — Куда они делись?

— Выпали, наверное. Ко мне кольцо попало в таком виде.

— Я вот что думаю... Если вам не срочно, то подождите немного. Ко мне придет друг, он работает на ювелирном заводе. Уж он не ошибется.

— А сколько ждать?

— Неделю, может, две. У вас есть телефон? Давайте, я запишу и позвоню вам. Мне самому любопытно, что это за камни. — Ксения Николаевна колебалась. Тогда мужчина, усмехнувшись, сказал: — В нашем городе нелегко определить истинную ценность кольца. Эта вещь очень старая, так? Значит, если камни настоящие, при оценке будет учитываться и историческая ценность изделия. Возможно, придется выяснять имя мастера. Это уже должны делать эксперты, а не просто ювелир. Так что оценка вашего кольца — сложный процесс. Вы понимаете?

— Думаете, я идиотка? — отбрила его Ксения Николаевна.

— Я не хотел вас обидеть. Вот, возьмите мои телефоны. Рабочий и домашний. Позвоните сами через неделю.

Ксения Николаевна взяла визитку, поблагодарила и вышла из мастерской.

Переступив порог собственного дома, старушка и ее внучка носились со скоростью вентилятора. Ксения Николаевна снимала одежду и бросала там, где сняла. София подбирала вещи и засовывала их в шкаф в комнате бабушки, одновременно переодевалась в домашнюю одежду.

Надев ночную сорочку, Ксения Николаевна запрыгнула в постель, натянула одеяло до подбородка:

— Уф, успели.

— Ба! — взвизгнула Софийка. — Лицо! У тебя накрашено лицо!

Послышался звук мотора — это въезжал во двор автомобиль.

— Чего стоишь? — рявкнула Ксения Николаевна. — Быстро носи лосьон!

София умчалась, тут же прибежала с лосьоном и ватой, бросила бабушке:

— В твоём возрасте краситься необязательно! А ты куришь, пьешь коньяк, неприлично выражаешься, еще и красишься! Сейчас застукают...

— Зеркало! — скомандовала бабушка. — И не читай мне нотаций!

Ксения Николаевна вытерла губы, брови и веки, бросила ватку под кровать, схватила книгу, вперилась в нее глазами... И вовремя это сделала. В комнату заглянула дочь Ариадна:

— А вот и мы. Как ты себя чувствуешь, мама?

— Как можно чувствовать себя в семьдесят два года? — проворчала Ксения Николаевна. — Конечно, плохо.

— Сейчас обедать будем, — сообщила дочь.

Этот диалог происходит между ними постоянно, только меняются слова, обозначающие время суток: «Сейчас будем завтракать... обедать... ужинать...» После дочь приносит еду на подносе, затем уносит. И все. Никаких разговоров по душам, общих интересов. Как будто Ксения Николаевна зверушка, которой, кроме еды, ничего не надо.

— Знаешь, Ариадна, — сказала она дочери, — ты наверняка устала, пусть София принесет обед, а потом уберет.

— Да? Ты так думаешь? Хорошо.

Ариадна закрыла дверь, а Ксения Николаевна буркнула: